

● И. С. Конев,

Маршал
Советского
Союза

В битве за МОСКВУ

ВАМ НАДО ЭТО ЗНАТЬ

Я все еще нахожусь под впечатлением встреч с молодыми участниками похода по местам революционной, боевой и трудовой славы, проведенного этой осенью Центральным Комитетом комсомола. Как руководителю этого похода, мне довелось выезжать на места наиболее горячих боев за Москву и там рассказывать об этих боях юношам и девушкам. Для меня, старого советского солдата, это были незабываемые беседы. Я видел, с каким жадным вниманием все они слушали рассказы ветеранов о подвигах своих отцов и старших братьев, как, волнуясь, осматривали поля давно минувших сражений, уже покрытые травой или заросшие молодым лесом окопы, траншеи, остатки блиндажей, как бережно, будто великую ценность, передавали из рук в руки найденные ими реликвии войны — винтовку с проржавевшим затвором, памятку каску, позеленевшую артиллерийскую гильзу. Я видел, как слушали они бесхитростные рассказы местных жителей — свидетелей отгремевших боев — и каким любопытством, какой гордостью горели при этом их глаза.

Я смотрел на них, молодых, крепких, еще, пожалуй, не слышавших в своей жизни и винтовочного выстрела, и картины сражений, бушевавших некогда в этих, ныне мирных, краях, на этих полях, на берегах этих рек, картины великой битвы за Москву одна за другой вставали перед глазами. События двадцатипятилетней давности оживали в памяти. И я думал тогда: это должны знать не только участники патриотического комсомольского похода, но все советские юноши и девушки, вступающие в жизнь. Вот почему я охотно откликаюсь на просьбу редакции

журнала «Юность» и берусь за перо, которое, признаюсь, не является для меня привычным оружием.

Для того, чтобы представить себе картину битвы за Москву — одного из грандиознейших сражений, какие только знала история, — тебе, юный читатель, надо знать военную обстановку в те дни, когда Гитлер, завоевав или политически подчинив себе почти все страны Западной Европы, бросил свои главные боевые силы, все армии своих сателлитов на Восточный фронт, на Советский Союз. Документами, извлеченными из тайных архивов немецкого генштаба и представленными обвинением на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками, было доказано, что, создавая свой план покорения мира, или, как говорил Гитлер, «организацию всемирного рейха по крайней мере на ближайшую тысячу лет», он разделил этот план на семь стадий. Первые пять стадий он отвел завоеванию европейских государств, шестой стадией должно было стать разбойничье нападение на Советский Союз и завоевание советской земли, а седьмой, завершающей, — нападение на Англию.

«ПУСТЬ ГИБНУТ МИЛЛИОНЫ»

Планомерно, в точно намеченные сроки гитлеровские армии завершили первые пять стадий завоевания мира. За недели гитлеровские подвижные танковые и мотомеханизированные части с боем захватывали государства, считавшиеся в Европе оплотом капиталистической мощи. Ведя войну на Западе, гитлеровский рейх не ослабевал, а, наоборот, усиливался. Как спрут, высасывал он кровь народов оккупированных стран, используя их промышленность и

сельскохозяйственные ресурсы, включая в свою экономику их военные заводы и собирая под свои знамена армии сателитов. Безумные мечты Гитлера о всемирном тысячелетнем рейхе, как казалось тогда некоторым западным политикам, были близки к осуществлению. Им мнилось, что нет уже на земле силы, которая могла бы противостоять гигантской немецкой армии. Как раз в дни расцвета ее боевой мощи и был разработан генералами Йодлем, Кейтелем и Варлимонтон злодейский план вероломного нападения на Советский Союз. Он получил кодовое наименование — «план Барбаросса». В записке по «плану Барбаросса», фигурировавшей на Нюрнбергском процессе, приводилась цитата из приказа Гитлера: «Необходимо напасть на Россию молниеносно и захватить ее ресурсы, не считаясь с возможной гибелью миллионов людей в этой стране. Нам надо взять у России все, что нам нужно. Пусть гибнут миллионы».

Я рассказываю вам об этом, молодые люди, для того, чтобы вы отчетливо представляли себе, какая опасность нависала в те дни над нашей Родиной и всем миром, опасность, особенно обострившаяся, когда гитлеровское командование, сосредоточив свои ударные силы, стало готовить их к походу на Москву, столицу первого в мире социалистического государства, которую нацисты ненавидели с особой яростью. Вам, друзья, нужно отчетливо представлять это, для того, чтобы знать, от какой страшной беды спасла Красная Армия наше Советское государство, наш народ и все народы мира.

Но уже в начальный период Великой Отечественной войны непрерывное героическое сопротивление Красной Армии, сражавшейся один на один со всеми ударными силами фашизма, спутало карты гитлеровской ставки, сорвало то, что было главным звеном немецкой стратегии, заложенной в «плане Барбаросса»: его молниеносность, пресловутый «блицкриг». Несмотря на огромное превосходство врага в живой силе и особенно в боевой и транспортной технике, на земле и в воздухе, оно, это сопротивление, продолжало нарастать буквально с каждым днем, с каждым шагом гитлеровских армий по советской земле. От активной обороны Советская Армия в смоленском сражении стала переходить к контрударам, и наконец после контрударов в районе Ярцева, Духовщины, Ельни наши войска, действовавшие на главном — Западном направлении, в середине сентября остановили наступление неприятеля восточнее города Смоленска.

ОПЕРАЦИЯ «ТАЙФУН»

Вот тогда-то немецко-фашистское командование и приступило к подготовке плана «генерального сражения» на Московском направлении — плана, который получил кодовое наименование «Тайфун». В самом этом наименовании раскрывалась идея задуманной операции: создав на Западном направлении подавляющее превосходство в силах, сосредоточив здесь основную массу боевой техники, армии этой группировки должны были нанести советским войскам стремительный удар, и, развивая высокие темпы наступления, обратить в бегство наши дивизии, и, отрываясь от них (как говорят военные, «на их плечах»), рвануться к Москве танковыми ударными группировками и окружить ее с севера и с юга. Этим, по замыслу гитлеровцев, была бы решена основная за-

дача войны и обеспечена окончательная победа к зиме 1941 года.

Сейчас об этом странно даже и вспоминать, но в листовках, которые сбрасывали в те дни фашистские самолеты над нашими войсками, говорилось о том, что в начале ноября Гитлер, подобно Наполеону, въедет в Москву на белом коне, чтобы принять на Красной площади парад своих войск. Это было, конечно, пропагандистская геббельсовская болтовня, но мы знали, что нацистское командование в сентябре приступило к сосредоточению на Московском направлении крупнейших сил.

Оно стянуло сюда 77 дивизий, 1700 танков, 19,5 тысячи орудий и минометов, 950 боевых самолетов и другой боевой техники. На совещании штаба этой группировки, которая должна была, по замыслу Адольфа Гитлера, решить главную задачу войны, он так и заявил: «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель, будь то мужчина, женщина или ребенок, не мог бы его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой».

Знали ли мы об этой концентрации сил и об этом замысле гитлеровского генштаба? Да, знали. Наши разведки — и войсковая, и агентурная, и воздушная — работали неплохо. Я был в те дни командующим Западным фронтом, и мне не раз доводилось доносить Ставке о готовящемся ударе на столицу. Сейчас, когда четверть века спустя я пишу об этом, мне отчетливо вспоминается один очень запомнившийся мне разговор, который произошел у меня на командном пункте 25 сентября с пленным немецким асом с «мессершмитта-109», сбегом вблизи Ярцева. Это был матерый нацист, награжденный крестами и медалями, и, судя по его показаниям, осведомленный человек. Попав в плен, он стал разговорчивым, рассказал о крупной концентрации сил, срочно проводимой перед нашим фронтом, о готовящемся «решающем наступлении» в направлении Смоленск — Москва. Он сказал, что для этого наступления здесь сконцентрировано до ста дивизий (их было около восьмидесяти. — И. К.), и даже сообщил, что, по слухам, генерал Кейтель и фельдмаршал Геринг прибыли в Смоленск, имея особые полномочия немецкой ставки любой ценой обеспечить успех этой, как он выразился, «генеральной операции». Его показания подтверждали доверения наших разведчиков.

Да, мы знали о готовящемся наступлении и, не теряя времени, создавали глубоко эшелонированную оборону, систему огня, зарывались в землю, строили разветвленные полевые укрепления, создавали на наиболее угрожаемых участках противотанковую оборону, минные поля, хотя, к сожалению, мин, как и противотанковой артиллерии, у нас в те дни было в обрез, и главную надежду мы возлагали на бутылки с горючей смесью. Зарубежные авторы часто склонны изображать этот первый, трагический для нас, этап войны как сплошное наше отступление, полное путаницы и неразберихи. К сожалению, появились и в советской литературе книги, авторы которых в своем стремлении поиграть на нервах читателей, безответственно изображают дело именно так. Дорогие юные друзья! Я, кадровый военный, имевший к тому времени опыт двух войн, человек, находившийся в те дни на этом главном и решающем участке фронта, говорю вам: и в ту, нечеловечески трудную пору войны, несмотря на то, что, готовясь к большому наступлению, противник продолжал на всех других фронтах активные боевые действия, мы, в соответствии с приказом Ставки Верховного Главнокомандования, упорно оборонялись и принимали все меры для создания глубоко эшелонированных оборонительных рубежей — Вяземского и Можайского. В этой работе

армии деятельно помогали трудящиеся Смоленской, Калининской, Брянской, Тульской областей и, конечно же, наши москвичи. Двести пятьдесят тысяч москвичей откликнулись тогда на призыв Московской партийной организации и вышли с лопатами, кирками, ломанами на строительство оборонительных рубежей, что в те дни было делом не только очень тяжелым, но и опасным, ибо авиация противника господствовала в воздухе и то и дело бомбила и обстреливала строящиеся позиции.

ГОТОВЫ К БИТВЕ

О том, как мы подготовились к наступлению, может свидетельствовать хотя бы такой памятный мне факт. Я расположил тогда свой штаб на окраине населенного пункта Касня, в бывшей барской усадьбе князей Волконских. Противник прознал об этом, и на сравнительно небольшую усадьбу был произведен массированный налет пикирующих бомбардировщиков. Барский дом и службы были разнесены бомбами, но так как, готовясь к наступлению, мы успели, как говорится, «закопаться в землю», никто из военачальников не пострадал, штаб продолжал работу нормально, и даже в час бомбежки узел связи, расположенный в блиндажах и прикрытый мощными накатами, продолжал передавать в Москву информацию.

Первое генеральное наступление немецких войск на Москву началось 30 сентября ударом танковой группы по левому крылу Брянского фронта. А на рассвете 2 октября противник после сильной артиллерийской и авиационной подготовки начал наступление против войск Западного и Резервного фронтов. Именно сюда он и обрушил свои главные танковые и моторизованные силы группы армий «Центр», подерживаемые стянутыми с других фронтов и перебросенными из Западной Европы авиационными соединениями.

Острин удара было направлено в стык между нашими 30-й и 19-й армиями. Теперь, по немецкой документации да и по воспоминаниям гитлеровских генералов, в изобилии издающих на Западе свои мемуары, мы знаем, что ставка неприятеля планировала массированным ударом пробить фронт, обратить в бегство наши дивизии и, оставляя за собой окруженные и дезорганизованные наши части, не оглядываясь, рваться к столице, захватить ее, так сказать, «на плечах отходящего противника». Этот маневр немцы уже не раз применяли в западных странах, и он им неизменно удавался.

Но тут наиболее дальновидные гитлеровские генералы поняли, что Советская страна не Западная Европа. И хотя против четырех стрелковых дивизий 30-й армии противник ввел в бой двенадцать своих, главный замысел операции был сорван. Это стало ясно в первый же день. Правда, ценой огромных жертв противнику удалось прорвать фронт и продвинуться в глубь обороны на 10—15 километров. Но не о том мечтали гитлеровцы, не то планировали. Дезорганизовать, обратить наши войска в бегство им не удалось.

Второй удар был нанесен в направлении на Спас-Деменск, против 24-й и 43-й армий Резервного фронта. Здесь немцы имели большой успех, заставив наши войска отойти. Танковые подразделения врага через Спас-Деменск и Юхнов устремились к Вязьме,

в тыл Западному фронту. Возникла угроза охвата некоторых соединений наших войск, и, в частности, 19-й и 20-й армий Западного и 32-й армии Резервного фронта.

Советское командование быстро разгадало и этот замысел гитлеровцев. Учитывая обстановку, командование решило управление и штаб 16-й армии генерала К. К. Рокоссовского к утру 6 октября вывести в район Вязьмы, чтобы обеспечить руководством как отступающие к Вязьме части, так и те, что подходили к ней из резерва. Однако из тех дивизий, что стремились туда, чтобы не дать сомкнуться двум клешням немецкого наступления, к Вязьме подошла лишь одна 50-я стрелковая дивизия, которую удалось перебросить на автомашинах. И та не полностью. Остальные же оказались в кольце, но дезорганизованы не были и сейчас же завязали бой, тараня кольцо извне и изнутри, нанося врагу существенный урон в живой силе и технике.

БОИ В КОЛЬЦЕ

Аа, врагу удалось отрезать пути отхода нескольким нашим дивизиям, но он не вывел их из боевого строя. Приказом, переданным по радио, командование окруженной группировкой было поручено замечательному командарму — генералу М. Ф. Лукину, человеку редкой храбрости и хладнокровия. Находясь в окружении, он не только развернул оборону, но вел в тылу врага активные действия. Под его командованием войска продолжали драться ожесточенно, самозабвенно, приковав к себе массу войск и боевой техники противника и тем самым значительно сокращая силы группировки, наступавшей на Москву. Карты, захваченные впоследствии нами у немцев, наглядно показывают, что эта боевая группа, сражаясь в окружении, сковала 28 вражеских дивизий группы «Центр». С генералом Лукиным мы держали постоянную связь по радио и самолетами, и, признаюсь, я до сих пор не могу без волнения вспоминать его боевые донесения. Слова одного из них я и сейчас легко воспроизвожу по памяти: «Войска держатся и будут держаться до последнего солдата и до последнего патрона».

Да, так они дрались и держались.

Спротивление наших войск становилось все более активным, все более упорным. Как я уже сказал, планируя операцию «Тайфун», немецкая ставка строила все свои расчеты на высоких темпах наступления, чтобы до холодов завершить операцию, а холода встретить уже в Москве. Героическое сопротивление наших войск Западного и Резервного фронтов, в том числе и окруженных, продолжавших сражаться в районе Вязьмы, задержало наступление противника на Москву. Это дало возможность нашей Ставке сосредоточить силы, чтобы впоследствии дать противнику отпор на Можайском рубеже. То был острейший этап битвы за столицу. Я помню, как на Военном совете Западного фронта мы вместе с представителями Государственного Комитета Обороны, находившимися у нас, обратились к Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину с предложением объединить силы Западного и Резервного фронтов под единым командованием и с 12 октября назначить генерала Г. К. Жукова командующим войсками Западного фронта, а меня — его заместителем. Ставка согласилась с этим предложением. Таким образом, силы центрального участка фронта перед столицей были объединены.

Противотанковое укрепление
на Большой Калужской (вверху).

Ополченцы на привале (слева).

Производство мин на одном
из московских заводов (внизу).

Танки с парада идут на фронт
(вверху).

Зенитчики на Красной Пресне
(справа).

Аэростат поднимается в воздух
(в центре).

Фашистские орудия, захваченные
на Волоколамском шоссе (внизу).

Фото А. Устинова.

ЗА НАМИ МОСКВА

К тому времени враг усилил нажим на правое крыло Западного фронта и активизировал наступление на Калининском направлении. Обстановка там донельзя обострилась. Город Калинин войск не имел, и немецкие танковые части, заняв его, выходили на шоссе Ленинград — Москва. Было ясно, что они стремятся обойти Москву с севера, а также вбить клин между Западным и Северо-Западными фронтами. Разгадав это намерение, Ставка решила организовать новый, Калининский фронт, и я был назначен командовать им.

Командующий 19-й армией генерал-лейтенант П. С. Конев беседует с М. А. Шолоховым (первый справа), А. А. Фадеевым (второй справа) и Е. П. Петровым (сидит в центре — спиной к нам)

Стараясь восстановить в памяти обстановку тех дней, я смотрю на старую военную карту. Гитлеровский «Тайфун», хотя и не обрел запланированных его авторами темпов, все еще бушевал и бушевал с огромной силой, на дальних подступах к Москве. Гитлеровская ставка обладала тогда всеми возможностями стратегического маневра. Она перебрасывала дивизии из стран покоренной Европы, стягивала с других фронтов. Москва в те дни была у всех на устах. Москва — на нее возлагались все надежды. Москвою бредили гитлеровцы в своих радиопередачах. О Москве мечтали солдаты противника, чувствуя надвигающиеся холода. О Москве думали в эти дни все советские люди, сражавшиеся на фронте и работавшие в тылу. На Москву, на ее стойкость, на мужество советских войск возлагали надежды те, кто жил уже на оккупированной земле — и не только у нас, но и в странах завоеванной Европы.

Советские люди верили: Москву не отдадим, не можем сдать. Мы, советские солдаты, знали: отступать некуда, за нами Москва. Вот тогда-то во всех частях, оборонявших столицу с северо-запада, с запада и с юга, и пошло в ход крылатое суворовское выражение: «Стоять насмерть». И стояли. Раненые не уходили из боя и продолжали сражаться. Порою солдаты сознательно шли на смерть, лишь бы остановить врага.

Вся моя жизнь связана с армией, еще со времен первой мировой войны. В гражданскую я сражался с белобандитами в центральных губерниях страны,

воевал с белыми армиями на Дальнем Востоке, штурмовал мятежников в Кронштадте. С первого дня Отечественной войны был на фронте, отступал, оборонялся, наступал. С боями прошел потом от Верхней Волги до Шпрее, штурмовал Берлин с юга и юго-запада и завершил войну боями за освобождение Праги. Много, очень многое пережил я и повидал.

Но когда вот сейчас я пишу эти строки и вспоминаю Московскую битву, она встает перед глазами с особой яркостью.

Мне кажется, что в дни этой битвы на просторах Подмосковья, Верхневолжья и на подступах к славному пролетарскому городу Туле — этой кузнице нашего оружия — весь мир по-настоящему узнал впервые, что такое советский человек, воспитанный Коммунистической партией, кто такой, как говорил Ленин, «человек с ружьем», советский солдат, защищающий нашу Родину.

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Многочисленными страницами беспримерных человеческих подвигов украшена история сражений за Москву, начавшихся в сентябрьские дни на дальних подступах к столице — на Смоленщине — и достигших своей кульминации в ноябрьских боях у стен столицы, когда гитлеровская ставка сообщала в своих сводках, что «передовые панцирные части, наступая, уже видят в бинокли с холмов и возвышенностей кресты и шпили Москвы». Разве когда-нибудь забудет благодарное потомство, как вооруженные старыми учебными пушками, комсомольцы-курсанты подольских военных училищ, о которых в этом году уже писал на страницах «Юности» генерал Н. С. Стрельбицкий, остановили равнявшиеся к Москве части 57-го немецкого моторизованного корпуса и самоотверженно удерживали их на этом направлении? Разве имеете право вы, молодые люди сегодняшних мирных дней, забывать о героях 316-й стрелковой дивизии генерала Н. В. Панфилова, которые, будучи ранеными, умирая, продолжали сражаться у разъезда Дубосеково, чтобы не пропустить врага? Разве когда-нибудь изгладятся в сердцах молодых людей страны подвиги московской школьницы Зои Космодемьянской, или калининской комсомолки Анны Чайкиной, или старого колхозника Матвея Кузьмина, повторившего в лесах Калининщины подвиг Ивана Сусанина? А Виктор Таалликин, протаранивший немецкий бомбардировщик! А сержант В. Васильковский, грудью закрывший амбразуру дзота, чтобы открыть путь передовому батальону!..

Сколько таких золотых страниц в истории великой битвы под Москвой! Сколько героев этой битвы еще ждут своего советского Льва Толстого, который с таким же размахом и глубиной расскажет о подвигах советских людей, вдохновенных партией!

Не забудутся дни и ночи, когда Москва, суровая, затаившаяся, жила на осадном положении, жила, работала, готовилась к отпору врага, ковала оружие, принимала раненых. Никогда не забудем мы о му-

жестве Центрального Комитета Коммунистической партии, о мужестве Московского, Калининского, Тульского областных комитетов, о Ставке Верховного Главнокомандования, которые в самые острые часы борьбы направляли и вдохновляли людей, вдохновляли войска на разгром немецко-фашистских полчищ. Сейчас, вспоминая битву за Москву, нельзя не сказать о Калининской и Тульской партийных организациях, деятельно помогавших организовывать борьбу с врагом на флангах Московской битвы.

УКРОЩЕНИЕ «ТАЙФУНА»

Операция «Тайфун», задуманная Гитлером как решающая операция, была сорвана благодаря стойкости советских солдат. Силы «Тайфуна» были укрошены у стен Москвы. Наступающие части остановлены. Неприятельскому командованию понадобилось две недели для подготовки «второго генерального наступления» на столицу. Немецкие части, прорвавшиеся было на ближние подступы к Москве, все эти отборные танковые, моторизованные стрелковые дивизии оказались потрепанными, ослабленными. Их мощь была подорвана. Враг понес большие потери. Боевой дух немецких солдат, действительно не знавших поражения в битвах с армиями капиталистической Европы, оказался, если и не сломленным окончательно, то, во всяком случае, сильно надломленным.

Инициатива боя была вырвана из рук Гитлеровской ставки и перешла к советскому командованию. 5—6 декабря войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов перешли на решительное контрнаступление. Мы не превосходили врага по численности и боевой технике, но, сильные боевым духом, несколько пополненные свежими резервами, проявляя искусство сосредоточения сил, обрушили на врага слитные удары. Сокрушая и отбрасывая врага, Красная Армия наступала широким фронтом, преследуя немецкие части, захватывая огромные трофеи и пленных. Враг был отброшен от стен Москвы на большое расстояние.

И вот сейчас, когда я задумывалась над тем, что произошло 25 лет назад, мне становится ясным: именно тогда, в великой битве за Москву, и занялась заря нашей победы над фашистской Германией.

На Западе сейчас издаю и продолжает издаваться множество книг, посвященных второй мировой войне. Битые гитлеровские генералы, нередко занимающие довольно высокие посты в армии Федеративной Республики Германии, особенно усердствуют по части всяческих мемуаров, желая оправдаться перед соотечественниками и историей в своих поражениях. Все они сквозь зубы признают, что именно в великой битве на Московском направлении начался перелом в ходе всей второй мировой войны. Но, оправдывая гитлеровскую ставку и самих себя, они часто говорят, что на трагический для них исход битвы повлиял, дескать, генерал Мороз. Генерал Мороз! Этот термин употребляют и иные из тех мемуари-

стов, которые были в дни войны нашими союзниками. Когда я читаю эту легенду о генерале Морозе, мне непонятно, как все эти «исследователи» и «вспоминатели» не краснеют, выдвигая такую версию.

Ведь в 1941 году зима, как и водится в средней России, пришла не раньше и не позже обычного, а мороз одинаково отнесся и к нашим и к гитлеровским солдатам. Нет, господа немецкие генералы! Вы-то отлично знаете, что не мороз заставил вас откатываться от Москвы, бросая технику, тела убитых, оставляя раненых. Наедине с собой, в своих секретных документах, вы были куда откровеннее. Так, например, командир 7-й немецкой танковой дивизии в своем донесении командованию панически сообщал: «натиск Красной Армии в направлении Сычевки настолько был силен, что я ввел в бой последние силы своих grenадеров. Если этот натиск будет продолжаться, мне не сдержать фронт, и я вынужден буду отойти». Так докладывал начальнику один из генералов еще в дни золотой осени, когда не было никаких морозов.

В нараставшей день ото дня мощи Советской Армии, в героизме ее солдат и помогавших им с тыла московских, калининских, смоленских, брянских, белорусских партизан, активизировавшихся с наступлением холодной поры, в самоотверженности москвичей, делавших все возможное для обороны своего любимого города, в спокойствии и мудрости Центрального Комитета партии, в распорядительности Государственного Комитета Обороны, не покидавших столицы в самые тяжелые дни, в растущем мастерстве советских военачальников — вот в чем секрет исторической победы в Московской битве. И еще в том, что с самого ее начала советские солдаты чувствовали и знали, что за ними Москва, столица первого в мире социалистического государства, и что ее нельзя отдавать врагу на поругание...

...Вот о чем думал я, молодые друзья, когда осенью встречался с юными участниками похода у старых, покрытых десами укреплений Подмосквья. И еще

На огневой позиции.

Фото В. Гребнева.

думал я о том, что великий наш народ, вдохновленный идеями коммунизма, непобедим.

Мы говорили тогда участникам похода, а сейчас я повторяю вам, читателям «Юности»: берегите революционную и боевую славу своих дедов, отцов и старших братьев! Будьте достойны этой славы, овладейте военным искусством, крепите боевую Советскую Армию!